

Глобальное экологическое регулирование и рыночно-ориентированные механизмы экологической ответственности¹

Е.А. Шварц, А.И. Воропаев, А.В. Птичников

УДК 502.12; 346.543; 502.1

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-2-156-178

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция добровольных рыночно-ориентированных механизмов экологической ответственности. На примерах независимых международных систем сертификации показаны их сильные и слабые стороны, выявлены некоторые закономерности развития, проведены сопоставления с национальными квазигосударственными системами сертификации, очерчены вероятная роль первых и вторых в регулировании будущих международных торговых отношений. По мнению авторов, значимость добровольных рыночных механизмов регулирования экологической ответственности производителей будет возрастать, даже несмотря на наблюдаемые процессы геополитической фрагментации мирового рынка. Это свидетельствует о постепенном формировании «новой нормальности» в мировой экономике, которая призвана обеспечивать охрану природных экосистем и защиту прав человека при производстве и торговле как потребительскими, так и сырьевыми товарами. Непонимание и неучет этих механизмов создают ограничения и риски снижения конкурентоспособности для российского экспорта.

Ключевые слова: добровольные механизмы экологического регулирования; экологические сертификации; экологические рейтинги; нефинансовая отчетность, экологическая прозрачность; принципы ESG

Введение

Быстро развивающиеся рыночно-ориентированные добровольные механизмы экологической ответственности, вошедшие в практику отдельных компаний и бизнес-сообщества в целом, все еще недостаточно осознаются экономической и политической элитой нашей страны. Экологические сертификации с участием третьей независимой стороны в качестве верификатора, заверяемая и аудируемая нефинансовая отчетность, независимые рейтинги и рэнкинги стали важными

---

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания ИГ РАН FMWS-2024-0007 (1021051703468-8). Раздел «Развитие рыночных систем экологической ответственности в России» выполнен при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-17-00129.

Благодарности: авторы благодарят к.б.н. М.Л. Карпачевского и А.С. Байбар за обсуждение и помощь в сборе материалов и редактировании настоящей статьи.

инструментами оценки и мотивации улучшения корпоративных экологических показателей [Shvarts et al., 2018; Cashore et al., 2021] и в настоящее время широко применяются финансовыми организациями по отношению к потенциальным получателям инвестиций [Koellner et al., 2005].

Рейтинги могут вызывать позитивные эффекты не только в компаниях-участниках. Есть исследования, показывающие, что увеличение количества рейтингуемых фирм в рамках определенного сектора экономики приводит к изменению поведения всех компаний отрасли, мотивируя их тоже сокращать выбросы загрязняющих веществ и парниковых газов, что значительно улучшает общепромышленные показатели [Sharkey, Bromley, 2015].

В литературе описаны результаты использования различных индексов устойчивости [Searcy, Elkhawas, 2012] и экологических рейтингов [Powers et al., 2011] для поощрения компаний, которые действуют «сверх» обязательных государственных природоохранных требований с тем, чтобы получить конкурентные преимущества на рынках (в том числе финансовых). Исследования показывают, что благодаря этим программам снижается процент компаний, не соблюдающих установленные экологические нормы, даже в крупных развивающихся странах, таких как Китай и Индонезия [Wang et al., 2004; García et al., 2007; Blackman, 2010].

Рейтинги, рэнкинги, разного рода балльные оценки (scorecards) и пр. оказались эффективным «мягким» инструментом для повышения прозрачности деятельности компаний и улучшения производственных и операционных стандартов ряда товаров (т.н. *soft commodities*), получаемых при использовании биоресурсов². В первую очередь это касается товаров повседневного спроса (FMCG – fast moving consumer goods) и розничной торговли, которые наиболее подвержены давлению конечных потребителей. В частности, удалось добиться быстрых и ощутимых улучшений в отношении продукции лесного сектора (добровольная лесная сертификация Forest Stewardship Council, FSC), морских и пресноводных биоресурсов (сертификации Marine Stewardship Council (MSC) и Aquaculture Stewardship Council (ASC)) и продукции сельского хозяйства (Better Cotton Initiative (BCI), Bonsucro, Common Code for the Coffee Community (4C), Round Table on Responsible Soy Association, Roundtable on Sustainable Palm Oil и др.).

Однако в сырьевых отраслях, компании которых работают в основном в сегменте B2B, эффективность такого инструментария нуждается в дальнейшем углубленном анализе. В настоящее время в нефтегазовой, горнодобывающей и отчасти – металлургической промышленности созданы и развиваются аналогичные рыночно-ориентированные системы добровольных стандартов и схем сертификации [Moran et al., 2014]. Примерами таких систем являются The Initiative for Responsible Mining Assurance (IRMA); Инициатива по рациональному

---

² Walker, N., Patel, S., Davis, F., Milledge, S. and Hulse, J. (2013). Demand-side interventions to reduce deforestation and forest degradation. Available at: <http://pubs.iied.org/13567IIED> (accessed 01.02.2024).

использованию алюминия (Aluminium Stewardship Initiative, ASI); Совет по ответственным ювелирным изделиям (Responsible Jewellery Council, RJC); Responsible Steel (RS) и др.³. Рейтинговые подходы к оценке экологической ответственности внедряются и на национальном уровне, например, для нефтегазовых компаний в России [Shvarts et al., 2018], Казахстане и Азербайджане⁴.

Тем не менее многие авторы считают, что добровольные механизмы экологической ответственности в добывающих и сырьевых отраслях требуют дальнейшего развития и диверсификации [Franken et al., 2012; Young, 2018]. Особенно актуально это для стран БРИКС и других развивающихся стран, в экономике которых высока доля нефтегазового, горнодобывающего и металлургического секторов [Tröster, Hiete, 2019; Knizhnikov et al., 2021, 2022].

В данной работе рассматриваются следующие вопросы.

- Почему и как появились добровольные механизмы экологической ответственности, базирующиеся на международных стандартах и, как правило, независимые от национального регулирования.
- Что позволяет таким механизмам успешно развиваться в современных условиях, в том числе иногда вопреки позиции национальных регуляторов.
- Насколько значимо влияние текущей геополитической ситуации и прогнозируемой фрагментации мировых рынков на эффективность добровольных экологических стандартов.

Глобализация рынков и рыночные механизмы экологического регулирования

Эффективность межгосударственных механизмов решения природоохранных проблем, таких как Глобальный экологический фонд (GEF) или межправительственные экологические соглашения (МЕА), зачастую оказывается невысокой, как из-за слабости государственных институтов и коррупции в странах-реципиентах, так и в силу громоздкости бюрократических процедур использования средств международной помощи [Пискулова, 2011; Young, 2002; Lattanzio, 2013]. В качестве альтернативы им в условиях глобализации стали развиваться добровольные рыночные механизмы экологического регулирования и ответственности, также известные как «системы управления, ориентированные на негосударственный рынок» [Cashore et al., 2021],

---

³ Все перечисленные системы сертификаций входят в Альянс ISEAL (International Social and Environmental Accreditation and Labelling Alliance) – глобальную ассоциацию экологических и социальных международных систем стандартов, включающую в т.ч. и такие известные международные системы сертификаций, как Fairtrade и Rainforest Alliance.

ISEAL Community Members. Available at: <https://www.isealalliance.org/iseal-community-members> <https://www.isealalliance.org/iseal-community-members> (accessed 05.02.2024).

⁴ Eurasian Environmental Transparency Rating of Oil and Gas Companies. (2020). 20 p. Available at: <https://creon-group.com/wp-content/uploads/2020/12/environmental-transparency-rating-2020-1.pdf> (accessed 15.02.2024).

«добровольные экологические программы» [Prakash, Potoski, 2012], «транснациональное частное регулирование» [Bartley, 2007] и «рыночные добровольные стандарты устойчивости»⁵.

Эти термины обозначают рыночные инструменты, используемые для управления экологическими и социальными последствиями экономического развития. Их инициаторами и драйверами во многих случаях были неправительственные организации [Буркова, 2019], нередко – при участии крупных компаний, чьи бизнес и репутация страдали из-за экологической озабоченности потребителей, которые в данных вопросах склонны больше доверять неправительственным структурам. Наиболее активно процессы формирования транснациональных стандартов и правил развивались в области устойчивого использования и сохранения лесов [Pattberg, 2005. No. 4].

Первая попытка мирового сообщества совместными усилиями защитить леса планеты от уничтожения была предпринята еще в 1983 г., когда было подписано Международное соглашение по тропической древесине (International Tropical Timber Agreement), но до конца 1980-х гг. страны-участницы так и не смогли согласовать общий подход к решению лесных проблем. Провал межправительственного процесса дал толчок идее создания независимой (неправительственной) лесной сертификации. Инициатива исходила от представителей крупного лесного бизнеса, которые на одном из заседаний International Tropical Trade Organization предложили сформировать систему добровольного транснационального регулирования наиболее острых проблем, связанных с сохранением и неистощительным использованием лесов на основе прямого диалога экологических и социальных организаций, торговых и промышленных компаний лесного сектора, представителей малых коренных народов и других заинтересованных сторон из разных стран и установить на ее основе общие стандарты лесопользования [Pattberg, 2005.Vol. 5].

В 1993 г. был основан Лесной попечительский совет (Forest Stewardship Council, FSC). Его первый генеральный директор (до 2001 г.) Тимоти Синнотт отметил, что «ясный импульс для создания сертификации FSC в 1993 г. исходил из провала идеи создать юридически обязывающие лесные правила в рамках «Саммита Земли»⁶.

Спустя 30 лет роль добровольной лесной сертификации FSC в экологизации лесопользования и рынков лесной продукции была признана весьма существенной [Wolff, Schweinle, 2022; Halalisan et al., 2023], хотя, конечно, не во всех тропических странах удалось остановить исчезновение первичных лесов только с помощью

---

⁵ Meeting Sustainability Goals: Voluntary Sustainability Standards and the Role of the Government. (2016). 2nd Flagship Report of the UN Forum on Sustainability Standards. 64 p. Available at: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/14875> (accessed 15.02.2024).

⁶ “Earth Summit”, United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, Brazil, 3–14 June 1992» (FSC and WWF-Germany 2002. С. 8, цит. по: [Pattberg, 2012]).

рыночных инициатив [Panwar et al., 2023]. Впрочем, многие государственные структуры и межгосударственные соглашения зачастую также с этим не справляются [Carodenuto et al., 2024].

Важно понимать различия между государственным регулированием и добровольными рыночно-ориентированными механизмами. Первое нацелено на наказание и «отсечение» наименее экологически ответственных компаний, но практически не мотивирует бизнес к повышению экологических стандартов деятельности и увеличению затрат на экологическую ответственность. То есть с бизнеса временами достаточно жестко спрашивают за исполнение формальных требований в области экологической ответственности, но на практике компании не имеют реальных стимулов для их *«перевыполнения»* (например, для перехода к более строгим экологическим стандартам и нормам, чем требования государственной нормативно-правовой базы) и переформатирования корпоративной стратегии в соответствии с принципами устойчивого развития [Prakash, 2001].

Реализация второго подхода основана на том, что повышенная экологическая ответственность зачастую является конкурентным рыночным преимуществом (в первую очередь – на экологически чувствительных рынках), в том числе – путем получения доступа к более дешевым или долгосрочным источникам финансирования [Prakash, Potoski, 2012; Trumpp, Guenther, 2017]. Поэтому, хотя добровольные механизмы экологической ответственности разрабатываются, как правило, негосударственными структурами, они зачастую имеют государственную поддержку⁷ [Niedziałkowski, Shkaruba, 2018].

Это побуждает многие компании, а иногда целые отрасли добровольно принимать экологические стандарты, соответствующие международным требованиям, даже если последние оказываются более жесткими, чем национальные нормативы [Wijaya, Glasbergen, 2016; Ibnu et al., 2019]. Конечно, в первую очередь это касается тех игроков, чей экспорт ориентирован на экологически чувствительные и социально ответственные рынки.

Управление с участием многих заинтересованных сторон считается наиболее легитимным, в результате чего институты, подобные FSC, и их инструменты получили широкое распространение [Fransen, 2012; Derkx, Glasbergen, 2014]. Их движущей силой, как правило, выступает отражение экологических предпочтений и потребностей среднего класса развитых стран и крупных городов некоторых развивающихся стран с относительно высокими уровнями доходов и образования [Gamso, 2018]. Неслучайно ключевую роль в формировании и успехе пользующихся доверием потребителей добровольных сертификаций, рейтингов и рэнкингов играют крупные розничные торговцы, особенно из сектора DIY (Do It Yourself: IKEA, Leroy Merlin, OBI, Castorama и др.).

---

⁷ Meeting Sustainability Goals: Voluntary Sustainability Standards and the Role of the Government. (2016). 2nd Flagship Report of the UN Forum on Sustainability Standards. 64 p. Available at: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/14875> (accessed 15.02.2024).

Разница между схемами добровольных сертификаций⁸ и основными рамочными документами устойчивого развития, такими как Глобальный договор ООН (UN Global Compact, UNGC), Принципы корпоративного управления ОЭСР, Принципы устойчивого развития Международного совета по горнодобывающей и металлургической промышленности (ICMM), Глобальная инициатива по отчетности (GRI) и др. заключается в том, что последние, как правило, более декларативны, менее требовательны (за исключением, возможно, GRI) и не обеспечивают диалог с партнерами и конечными потребителями. Например, в одном из исследований было показано, что члены UNGC иногда пользуются репутационными преимуществами сообщества, не озабочиваясь реальным улучшением своих экологических или социальных практик (довольно дорогостоящих) [Berliner, Prakash, 2015]. С этой точки зрения сертификации, ориентированные на рост потребительского спроса, действуют более эффективно и прозрачно.

В эпоху активной глобализации существовал отчетливый тренд к укрупнению и стандартизации систем подтверждения и регулирования эко-ответственности. Так, всего 20 лет назад в Северной Америке действовали поддерживаемые бизнесом три системы лесной сертификации (Sustainable Forestry Initiative (SFI) и American Tree Farm System (ATFS) в США⁹, Sustainable Forest Management System в Канаде¹⁰), которые в 2005 г. объединились с глобальной Programme for the Endorsement of Forest Certification (PEFC, первоначально Pan-European Forest Certification).

Наряду с тенденцией глобализации таких систем, облегчающей международную торговлю, с середины 2010-х гг. отмечались и новые попытки создания национальных систем сертификации [Wibowo, Giessen, 2018; Wibowo et al., 2019]. Например, изменилась географическая структура экспорта продукции сельского хозяйства Индонезии (главным образом – пальмового масла и кофе) и вместо Европы и США основную долю в ней заняли другие регионы мира, прежде всего Китай и Индия. Осознав, что новые покупатели, вероятно, менее заинтересованы в подтверждении международных стандартов устойчивого развития в качестве предварительного условия для торговых отношений, правительство и бизнес Индонезии инициировали создание национальных систем сертификации экспортно-ориентированной продукции сельского хозяйства (Indonesian Sustainable Palm Oil, ISPO; ISCoffee; ISCocoa) [Wijaya, Glasbergen, 2016; Kinseng et al., 2023].

Несмотря на определенный первоначальный оптимизм при обсуждении эволюции систем добровольной сертификации продукции сельского хозяйства и лесопользования, в ходе которой страны «глобального Юга»

---

⁸ Как правило, являющихся членами International Social and Environmental Accreditation and Labelling Alliance (ISEAL). Available at: <https://www.isealalliance.org> (accessed 05.02.2024).

⁹ Sustainable Forestry Initiative (SFI). Available at: <https://pefc.org/discover-pefc/our-pefc-members/national-members/sustainable-forestry-initiative-sfi> (accessed 05.02.2024).

¹⁰ PEFC Canada – Available at: <https://www.pefc.org/discover-pefc/our-pefc-members/national-members/pefc-canada> (accessed 05.02.2024).

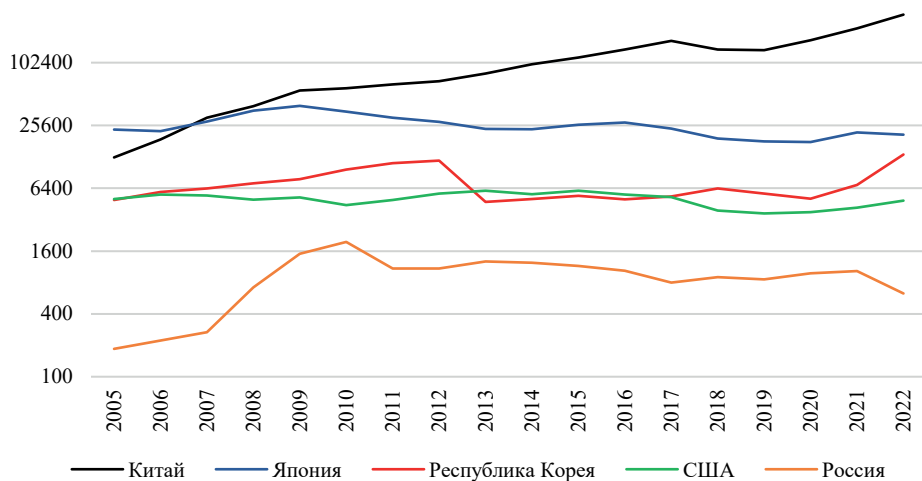
пытаются вернуть себе полномочия, «преокупированные» корпорациями «глобального Севера» и независимыми экологическими и социальными организациями, исследователи полагают, что «южные» экологосударственные стандарты и сертификации будут предназначены в основном для «внутреннего применения», в то время как «северные» востребованы и останутся таковыми в международной торговле [Wijaya, Glasbergen, 2016]. В целом же национальные схемы сертификации вряд ли станут жизнеспособной альтернативой международным стандартам на экологически чувствительных рынках развитых стран и, можно добавить, в приближающихся к ним по структуре потребления зажиточных городах Китая и Индии, по крайней мере, в краткосрочной перспективе [Ibnu et al., 2019]. Международные рыночные стандарты и сертификаты являются и маркетинговыми инструментами транснациональных компаний [там же]. У национальных систем такой поддержки, как правило, нет, так как они опираются не на принадлежащих к среднему классу конечных потребителей и отражающий их ожидания и запросы ретейл (в том числе – и национальный) и неправительственные организации, а на бюрократию развивающихся государств и на связанные с ними национальные компании.

Очевидно, что для успеха на международных рынках следует опираться на стандарты и схемы сертификации, которые одновременно удовлетворяют требованиям конечных потребителей и ритейла, с одной стороны, и производителей – с другой.

Развитие рыночных систем экологической ответственности в России

В нашей стране ведущим эффективным фактором действия негосударственных систем управления устойчивым развитием был потребительский спрос на экологически чувствительных экспортных рынках (в первую очередь на FSC-сертифицированную древесную продукцию и на морские биоресурсы, сертифицированные MSC) [Shvarts et al., 2015; Tysiachniouk, McDermott, 2016]. Относительно низкий уровень внедрения сертификации экологического менеджмента ISO 14001 в корпоративном секторе России (рис. 1) частично можно объяснить доминированием в экспорте необработанных минеральных ресурсов и металлов, что предполагает отсутствие ориентации на конечного потребителя [Шварц и др., 2017].

Для наращивания экспортного потенциала Российской Федерации необходимо добиться комплексных изменений в культуре и стратегическом планировании корпоративного сектора, ведущих к устойчивому развитию и созданию стоимости [Turriga et al., 2016]. Однако складывающиеся в современных геополитических условиях тенденции в данной сфере скорее вызывают тревогу. Рассмотрим проблему на примере добровольной лесной сертификации.

Источник. Ежегодные отчеты Международной организации по стандартизации (ISO) – URL: <https://www.iso.org/committee/54998.html?t=KomURwikWDLiuB1P1c7SjLMLEAgX-OA7emZHKGWyn8f3KQUtU3m287NxnP3Dluxm&view=documents#section-isodocuments-top> (дата обращения: 15.02.2024).

Рис. 1. Динамика количества сертификатов ISO 14001 в Китае, Японии, Республике Корея, США и России в 2005–2022 гг. (логарифмическая шкала)

На 1 марта 2022 г. Россия занимала первое место в мире по площади FSC сертифицированных лесов (62,8 млн га) и находилась в ТОП-15 стран по числу сертификатов FSC Chain of Custody (более 1000), что обеспечивало довольно широкое и растущее присутствие продукции лесного сектора страны на наиболее экологически чувствительных рынках¹¹. Одновременно по схеме сертификации PEFC в стране было сертифицировано 30,1 млн га лесов. Учитывая возможность «двойного» учета (один и тот же лесной участок может быть аттестован по обеим конкурирующим системам), общую площадь промышленных лесов, сертифицированную по международным стандартам, на пике можно оценить в 72–74 млн га с существенным потенциалом для дальнейшего роста.

В 2018 г. 18 из 19 крупнейших лесопромышленных компаний России, использовавших древесину в производстве, предъявляли своим партнерам требование о FSC-сертификации поставляемого сырья или арендуемого участка леса [Шварц, Шматков, 2020]. Однако в действующей Стратегии развития лесного

¹¹ FSC Facts&Figures. Available at: <https://connect.fsc.org/impact/facts-figures> (accessed 05.02.2024).

комплекса РФ (Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021)¹² не упоминается даже целесообразность гармонизации нормативно-правовой базы лесного хозяйства с требованиями систем международной добровольной лесной сертификации. Для сравнения: в Беларуси (100% лесов в госсобственности¹³) и Польше (80,7% лесов в госсобственности [Жидкова и др., 2020]) 100% промышленных лесов сертифицированы по системе PEFC, и 80%¹⁴ и 70% лесов, соответственно, – по более «строгой» FSC¹⁵.

В 2019–2022 гг. обсуждалась идея использования в российско-китайской торговле лесоматериалами квазигосударственной системы лесной сертификации [Николаев, 2019], которая не требовала бы в ходе лесопользования сохранения лесов высокой природоохранной ценности, защиты прав коренных народов и выполнения юридического условия о «свободном, предварительном и осознанном согласии» (СПОС/FPIC) на деятельность арендатора лесного участка, т.е. ряда обременительных мер экологической и социальной ответственности, предусмотренных международными нормами. Идея не получила поддержки со стороны Китая, вероятно, потому, что для потребления на его внутреннем рынке экологическая сертификация вообще не требуется, а для дальнейшего экспорта продукции, изготовленной из российской древесины, китайским компаниям необходима лесная сертификация по признаваемым на зарубежных рынках стандартам.

Весной 2022 г. FSC и PEFC официально ушли из России¹⁶, после чего в стране начали развиваться три национальные системы сертификации. Первая – «Лесной эталон» – была создана коллективом специалистов, которые ранее занимались развитием системы FSC. Сертификационные требования (и лесопользования, и цепочки поставок) практически идентичны стандартам FSC и превышают требования национального законодательства к устойчивости лесопользования, сохранению лесов высокой природоохранной ценности и малонарушенных лесных территорий,

---

¹² Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года – 11 февраля 2021 г. № 312-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/pFdqtWFH8y9SfQjDE0Xnwd8eXWoJJMYB.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

¹³ Ст. 5 Лесной кодекс РБ № 332-3 от 24 декабря 2015 г. (дата обращения: 05.02.2024). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1500332>

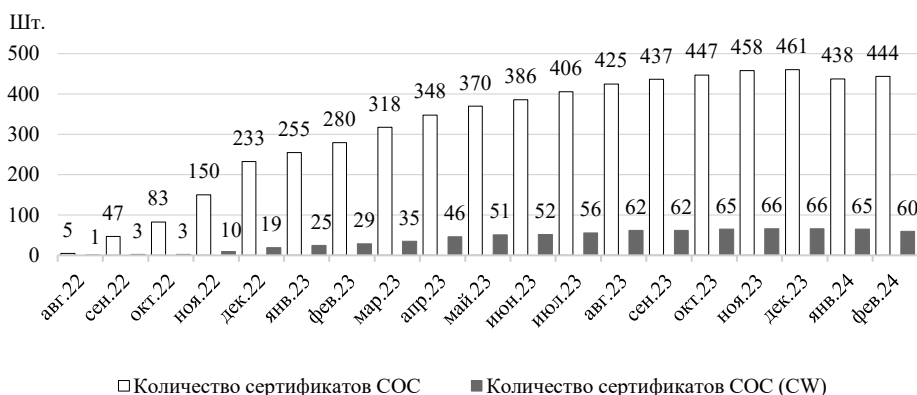
¹⁴ До 8 апреля 2022 г. All Belarussian FSC certificates will have to be terminated.

¹⁵ PEFC, как ориентированная на проверку соответствия государственным нормам схема, не включающая дополнительные экологические требования, превышающие действующее законодательство, не пользовалась адекватным рыночным спросом [Niedziałkowski, Shkaruba, 2018].

¹⁶ URL: <https://fsc.org/en/newscentre/general-news/fsc-certification-in-russia-is-ending>
URL: <https://fsc.org/en/newscentre/standards/updates-published-to-clarify-measures-for-organizations-in-russia-and-belarus>

URL: <https://www.pefc.org/news/pefc-suspends-pefc-russia>

социальным обязательствам предприятий по отношению к работникам и местному населению. Такой подход позволяет повысить конкурентоспособность ответственных лесозаготовителей и лесопереработчиков и является элементом стратегии развития бизнеса в условиях высокой конкуренции на международных рынках. Система явно востребована в России (рис. 2).

Примечание. СОС – сертификаты цепочки поставок, включая сертификаты цепочки поставок контролируемой древесины (СW), FM/СОС – сертификаты лесопользования, включая внутреннюю цепочку поставок.

Рис. 2. Развитие национальной системы сертификации «Лесной эталон» в 2022–2024 гг., шт.

Еще одна система – SFMRU/38200 – создана на базе офиса относительно менее «жесткой» лесной сертификации PEFC. Требование сохранения малонарушенных лесных территорий и других старовозрастных лесов в ней отсутствует, за исключением охраняемых в установленном законодательством порядке (особо охраняемые природные территории, особо защитные участки лесов и др.)¹⁷.

Четыре крупные компании (АО «Группа Илим», «СЛПК», «ГК «Титан») (включая Архангельский ЦБК) и «Соликамскбумпром»), структурированные

¹⁷ По этой системе сертифицирована группа компаний холдинга «Сегежа групп», проводящая сплошные рубки на территории официально планируемого республиканского заказника «Максимъярви» и еще 4-х особо охраняемых природных территорий, где ранее более 15 лет действовали добровольные моратории на заготовку древесины в рамках лесной сертификации FSC. Ранее арендаторы лесного фонда, принимая во внимание уникальную ценность этих лесов, на добровольной основе не проводили там вырубку леса.

См.: «Радость была преждевременной». Вырубки уникального карельского леса в заказнике «Максимъярви» продолжаются // Daily Карелия. URL: <https://gubdaily.ru/news/radost-byla-prezhdevremennoj-vyrubki-unikalnogo-karelskogo-lesa-v-zakaznike-maksimyarvi-prodolzhayutsya/> (дата обращения: 15.02.2024).

вокруг целлюлозно-бумажного производства, создали «Национальную систему лесной сертификации» (НСЛС), которая позиционируется как общероссийская, предполагает 100%-ю сертификацию существующего российского лесопользования и ориентирована в первую очередь на «новые рынки». В стандарте НСЛС используется международное понимание малонарушенных лесных территорий и признается их ценность, но допускается вырубка до 70% их площади, при сохранении минимум 50 тыс. га.

Основной спрос на сертификацию по системе «Лесной эталон» ожидается от российского ритейла («Леруа Мерлен» (теперь Лемана ПРО), «Оптиком») и экспортеров, клиенты которых ориентированы на закупки лесоматериалов, соответствующих стандартам FSC, а на системы SFMRU/38200 и НСЛС – со стороны экспортеров в страны АТР (таблица).

**Развитие систем добровольной лесной сертификации в России
(данные на 13 сентября 2024 г.)**

Показатель	Система добровольной лесной сертификации «Лесной эталон» *	Национальная система лесной сертификации**	SFMRU/38200***
Количество действительных сертификатов лесопромышленного назначения, шт.	71	9	13
Количество действительных сертификатов цепочки поставок, шт.	440	12	20 (один сертификат лесопромышленного назначения совмещен с сертификатом цепочки поставок)
Площадь сертифицированных лесов, млн га	9,5	19,1 (оценка по данным компаний)	18,3

Источник. * Данные сайта URL: <https://forest-etalon.org/>

** URL: <https://nsfc.gostinfo.ru/reestrserifikatovsootvetstviya/>

*** URL: <https://pefc.ru/rc/reestr-vydannykh-sertifikatov-sfmru-38200/>

По нашему мнению, идеи создать пользующуюся «рыночным спросом» за рубежом российскую национальную систему лесной сертификации опоздали примерно на 25–30 лет и имеют немного шансов на успех, так как доля российской лесопромышленной продукции на внешних рынках слишком мала, чтобы ритейлеры, корпоративные покупатели и другие участники рынка в странах-импортерах тратили силы и средства на ее верификацию. Можно предположить, что участники рынка будут выбирать уже известный им бренд системы сертификации, выстраивавший и подтверждавший свою репутацию в течение примерно 30 лет (см. также [Pbnu et al., 2019]). Для использования же на «новых» рынках развивающихся государств (страны Африки, Узбекистан и некоторые другие) с невысокой покупательной способностью, очевидно, будет вполне достаточно

и эффективно использование существующих или создающихся в России государственных инструментов обеспечения легальности лесного экспорта (ЛесЕГАИС и ее преемник – ФГИС ЛК).

Различные варианты национальных схем лесной сертификации со стандартами ниже международных потенциально могут найти применение разве что на внутреннем рынке, например, при государственных закупках.

Инициатива по созданию системы ответственности (AFi) и директива ЕС о противодействии обезлесению

The Accountability Framework initiative (AFi) – это новая международная инициатива по созданию и расширению ответственных (этических) цепочек поставок сельскохозяйственной и лесной продукции «от поля до прилавка», поддержанная различными неправительственными организациями, а также рядом крупных транснациональных компаний, включая финансовые¹⁸. Она нацелена на сохранение лесов от бесконтрольной вырубке или перевода лесных земель в иные виды пользования, уважение прав коренных народов, местных жителей и работников. Коснемся ее предыстории.

В 2010 г. Ассоциация ритейлеров и производителей потребительских товаров (Consumer Goods Forum)¹⁹, объединяющая около 400 мировых компаний из 70 стран мира с совокупными продажами 4,6 трлн евро²⁰, приняла на себя обязательство об исключении всеми ее членами к 2020 г. обезлесения из последствий своей деятельности. Огромное влияние этих компаний на рынке стало сигналом их поставщикам о необходимости скорректировать свою производственную практику в соответствии с новыми рыночными нормами. Участники Ассоциации попытались даже перейти на закупки у сертифицированных производителей, но предложение такой продукции на рынке ограничено, поэтому значительное количество товаров на их прилавках оставалось «сомнительного» происхождения, так что против ряда компаний были организованы акции и кампании, в которых выдвигались обвинения в отсутствии прозрачности и нежелании повышать экологическую ответственность.

В 2016 г. международная неправительственная организация Rainforest Alliance собрала группу влиятельных экологических организаций и известных экспертов для обсуждения вопросов об исключении из ответственных цепочек поставок деятельности, которая приводит к уничтожению лесов и эксплуатации человека. По итогам обсуждения был сформирован консенсус, для реализации

---

¹⁸ Accountability Framework initiative (AFi). Available at: <https://accountability-framework.org/> (accessed 12.06.2022).

¹⁹ Международная организация, управляемая главами компаний, которая объединяет ритейлеров и производителей продукции по всему миру и ставит целью продвижение позитивных изменений в области устойчивого развития.

²⁰ The Consumer Goods Forum. Available at: <https://www.theconsumergoodsforum.com/> (accessed 15.02.2024).

которого создана международная коалиция, объявившая о запуске Инициативы АFі. К июню 2019 г. последняя оформилась в структуру с согласованными руководящими принципами и нормами. Компании, финансовые институты и правительства получили основу для разработки обязательств, политик, планов реализации ответственного лесопользования и определения того, как они будут отслеживать, документировать и информировать о достигнутом прогрессе.

Участники Инициативы АFі стали использовать свое коллективное влияние на рынке, чтобы стимулировать распространение ее принципов, превращение их в норму для подавляющей массы игроков по всему миру. Постепенно инициатива АFі вышла за рамки неправительственных и бизнес-организаций, и заложенные в ее Системе ответственности стандарты стали применяться на государственном уровне, например, в ряде стран Западной и Центральной Африки. Французское правительство включило их в Национальную стратегию по борьбе с обезлесением.

Хотя уже около 500 компаний взяли на себя обязательства по преобразованию своих цепочек поставок для сохранения экосистем и защиты прав человека, достигнутые совокупные результаты пока еще несоизмеримы с масштабом проблемы. Ежегодные потери тропических лесов в 2014–2018 гг. увеличились в среднем на 44% по сравнению с предыдущим десятилетием, только за 2018 г. площадь тропических лесов сократилась на 12 млн га.

Согласно годовому отчету Forest 500²¹ за 2019 г.

- почти половина компаний в цепочках поставок, связанных с лесными рисками, не имеет никаких обязательств по предотвращению обезлесения;
- из 157 компаний, которые взяли на себя обязательства решить проблему обезлесения в своих цепочках поставок к 2020 г., 19 убрали дату из своих обязательств, а 7 полностью отказались от них;
- из тех компаний, которые все еще сохраняют обязательства, 48% не сообщают о ходе их выполнения.

Система ответственности АFі стала прототипом для законодательной инициативы ЕС по противодействию попаданию на европейские рынки продукции, способствующей обезлесению и деградации лесов (Регламент ЕС 2023/1115)²². Основной движущей силой этих негативных процессов, непосредственно влияющих на объемы поглощения углерода и изменение климата, считается расширение сельскохозяйственных земель, связанное с разведением крупного рогатого скота и производством древесины, какао, сои, пальмового масла, кофе, каучука

---

²¹ Thomson, E., Rogerson, S. (2020) Forest 500 annual report 2019 – the companies getting it wrong on deforestation, Global Canopy: Oxford, UK. Available at: https://forest500.org/sites/default/files/forest500_annualreport2019_final_0.pdf (accessed 12.06.2022).

²² Regulation (EU) 2023/1115 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on the making available on the Union market and the export from the Union of certain commodities and products associated with deforestation and forest degradation and repealing Regulation (EU) No 995/2010. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1115/oj> (accessed 15.02.2024).

и продуктов их переработки (кожи, шоколада, шин из натурального каучука, деревянной мебели и пр.). Будучи крупным потребителем подобных товаров, ЕС берет на себя частичную ответственность за проблему уничтожения и деградации лесов планеты и хочет возглавить процесс ее решения.

Согласно Регламенту, любой оператор или торговец, который размещает эти товары на рынке ЕС или экспортирует с него, должен быть в состоянии доказать, что при их производстве не происходило обезлесения территории и/или деградации лесов²³.

Влияние геополитики и возможной «фрагментации рынков» на эффективность добровольных экологических стандартов

Геополитические события последних лет, включая рост напряженности между США и Китаем, Россией и коллективным Западом (приведшие в том числе к уходу ряда систем международных добровольных сертификаций из России²⁴), заставили говорить о потенциальном окончании эпохи экономической глобализации и наступлении периода «геоэкономической фрагментации». Интересный анализ данных процессов дала Гита Гопинат (Gita Gopinath), первый заместитель директора-распорядителя МВФ, в своем выступлении на пленарном заседании XX Всемирного конгресса Международной экономической ассоциации²⁵.

В докладе отмечено, что усилия крупнейших экономических держав по разрыву связей приводят к увеличению роли группы «соединительных» стран, которые извлекают из этого свои выгоды, – Вьетнама и Мексики, а в случае прямых иностранных инвестиций – также Индии и ОАЭ (рис. 3, 4).

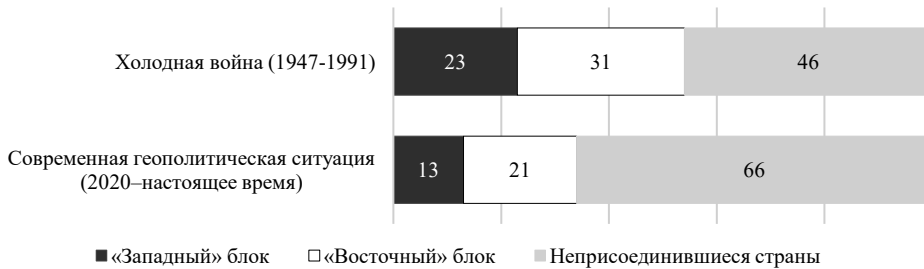
²³ Regulation on Deforestation-free products. European Commission. Available at: https://environment.ec.europa.eu/topics/forests/deforestation/regulation-deforestation-free-products_en (accessed 15.02.2024).

²⁴ Ушли не все системы добровольных экологических сертификаций, например, осталась Marine Stewardship Council (MSC), которая в ответ на критику отметила: «Мы являемся глобальной некоммерческой организацией с неполитическим мандатом положить конец чрезмерному вылову рыбы. Чрезмерный вылов рыбы – это огромная экологическая проблема, которая угрожает будущему нашего океана и поставкам морепродуктов. Это выходит за рамки национальных и региональных соображений». Marine Stewardship Council (MSC). Available at: <https://www.msc.org/media-centre/briefings-statements/statement-on-state-of-alaska-commissioners-letter> (accessed 15.02.2024).

²⁵ Cold War II? Preserving Economic Cooperation Amid Geoeconomic Fragmentation. Plenary Speech by IMF First Managing Deputy Director Gita Gopinath – 20th World Congress of the International Economic Association, Colombia, 11.12.2023. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/12/11/sp121123-cold-war-ii-preserving-economic-cooperation-amid-geoeconomic-fragmentation> (accessed 15.02.2024).

Рис. 3. Торговля между «Западным» и «Восточным» блоками и группой неприсоединившихся стран (доля в общем объеме торговли), %

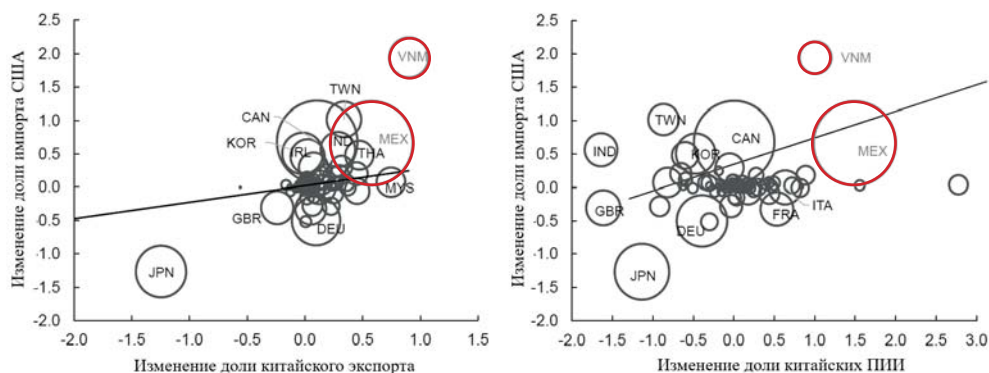
Примечание. Для периода холодной войны «Западный» блок, «Восточный» блок и неприсоединившиеся экономики определены на основе одного из исследований [Gokmen, 2017]. На текущий период гипотетический «Западный» блок включает США, Европу, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Гипотетический «Восточный» блок – это Китай, Россия, Беларусь, Мали, Никарагуа и Сирия, остальные страны считаются «неприсоединившимися». Нужно отметить, что в оригинальной подпункте к презентации Гиты Гопинат в обоих блоках отсутствуют (пропущены) ряд стран (Япония, Южная Корея, Сингапур, Северная Корея, Куба, Иран, Венесуэла и т.д.), некоторые из них воздержались или отсутствовали при голосованиях по резолюциям ООН по Украине в 2022–2023 гг.

Источник. Cold War II? Preserving Economic Cooperation Amid Geoeconomic Fragmentation. Plenary Speech by IMF First Managing Deputy Director Gita Gopinath – 20th World Congress of the International Economic Association, Colombia, 11.12.2023. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/12/11/sp121123-cold-war-ii-preserving-economic-cooperation-amid-geoeconomic-fragmentation> (слайд 7, accessed 15.02.2024).

Рис. 4. Доля от общей численности населения мира «Западного», «Восточного» блоков и неприсоединившихся стран, %

Было показано, что Мексика и Вьетнам, у которых в наибольшей степени увеличилась доля в импорте США (рис. 5), характеризуются также увеличением доли в экспорте Китая [Alfaro, Chor, 2023; Freund et al., 2023]. Вьетнам получает основную часть ввозимых ресурсов из Китая, а большая часть его экспорта направляется в США. Мексика в 2023 г. обогнала Китай как крупнейший экспортер товаров в США, при этом многие новые производства в этой стране контролируются китайским бизнесом, нацеленным на рынок США. Более детальный анализ и аналогичные выводы сделаны и в недавнем докладе McKinsey Global Institute [Seong et al., 2024].

Глобальное экологическое регулирование и рыночно-ориентированные механизмы экологической ответственности

Источник. Cold War II? Preserving Economic Cooperation Amid Geoeconomic Fragmentation. Plenary Speech by IMF First Managing Deputy Director Gita Gopinath – 20th World Congress of the International Economic Association, Colombia, 11.12.2023. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/12/11/sp121123-cold-war-ii-preserving-economic-cooperation-amid-geoeconomic-fragmentation> (слайд 11, accessed 15.02.2024).

Рис. 5. Страны, увеличивающие долю рынка импорта США, получили больше прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и объем экспорта из Китая с 2017 г.

Аналогичные процессы происходят на пространстве Евразии. Рост поставок в ЕС продукции из российской древесины, включая березовую фанеру, с так называемых «вторичных рынков» (в первую очередь – из Казахстана и Турции, в меньшей степени – из Вьетнама, Китая и некоторых других стран) начался еще до санкций 2022 г. и, вероятно, был обусловлен уклонением от антидемпинговых пошлин 2021 г.²⁶

После введения санкций значительно увеличился экспорт березовой фанеры из РФ в Турцию, и одновременно возросли объемы поставок этого продукта из Турции в Евросоюз. Имеющиеся данные по экспортным сделкам между Казахстаном и Европейским союзом показывают увеличение объемов отгрузки березовой фанеры²⁷. При этом ни Казахстан, ни Турция никогда не были ее крупными производителями.

Даже при закрытии таможенной статистики по экспорту данные об импорте тех же товаров позволяют увидеть реальную картину торговли между ключевыми странами «изолированных блоков». В конце июля 2022 г. были опубликованы предварительные материалы расследования в отношении импорта в США

²⁶ Commission implementing regulation (EU) 2023/1649 of 21 August 2023. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R1649> (accessed 15.02.2024).

²⁷ Norman, M., Deklerck, V. Tracking Russian Birch. World Forest ID. Available at: https://worldforestid.org/wp-content/uploads/2023/09/WFID_Insight_Sept_2023.pdf (accessed 15.02.2024).

некоторых видов фанеры при производстве ее во Вьетнаме из твердых пород древесины, в том числе из древесных материалов, поставляемых из Китая, включая использование шпона, произведенного во Вьетнаме или третьей стране²⁸.

В сентябре 2022 г. Environmental Investigation Agency опубликовало доклад²⁹, в котором было показано, что большое количество березовой фанеры, импортированной из таких стран, как Вьетнам и Индонезия, вероятно, имеет российское происхождение. Ложное декларирование источника происхождения является не только нарушением тарифного законодательства экспортерами, но и Закона Лейси США (The Lacey Act of 1900, в который 22 мая 2008 г. были внесены соответствующие поправки [Prestemon, 2015]), по которому к уголовной ответственности могут привлечь и импортеров³⁰.

Заключение

Экологические факторы продолжают играть важную роль на рынках с экологически чувствительным конечным потребителем и в условиях геополитической фрагментации. Значимость таких рынков в глобальной экономике не снижается, соответственно, и авторитет добровольных механизмов экологической ответственности будет только расти, в том числе с учетом того, что в развивающихся странах с быстро растущим средним классом горожан (в первую очередь – в Китае и Индии) внутренние рынки тоже становятся экологически чувствительными. Важную роль в формировании этих рынков играют компании международного ритейла (ИКЕА, Leroy Merlin, OBI и др.) и упаковки (Tetra Pak), которые в своей закупочной политике опираются на глобальные стандарты добровольных систем экологических сертификаций.

В государствах, ориентирующихся на экспорт в развитые страны древесной и сельскохозяйственной продукции с добавленной стоимостью, много лет развиваются международные системы добровольной экологической сертификации (например, система FSC используется в Бразилии, Китае, Индии, Индонезии и Малайзии, до 2022 г. – в России).

Аудированная и заверяемая отчетность об устойчивом развитии, различные рейтинги и рэнкинги играют значимую и все возрастающую роль в минимизации

---

²⁸ Certain Hardwood Plywood Products From the People's Republic of China: Preliminary Scope Determination and Affirmative Preliminary Determination of Circumvention of the Antidumping and Countervailing Duty Orders. A Notice by the International Trade Administration on 07/29/2022. Available at: https://worldforestdid.org/wp-content/uploads/2023/09/WFID_Insight_Sept_2023.pdf (accessed 15.02.2024).

²⁹ How Russian Conflict Birch Makes its Way to American Consumers. EIA Report – Available at: <https://us.eia.org/wp-content/uploads/2022/09/russian-birch-report.pdf> (accessed 15.02.2024).

³⁰ Lumber Liquidators Inc. Sentenced for Illegal Importation of Hardwood and Related Environmental Crimes. Office of Public Affairs, US Department of Justice. Available at: <https://www.justice.gov/opa/pr/lumber-liquidators-inc-sentenced-illegal-importation-hardwood-and-related-environmental> (accessed 15.02.2024).

экологических и социальных рисков ведущих финансовых институтов, как национальных, так и международных. «Фрагментации» в применении нефинансовой отчетности, рейтингов и рэнкингов пока не наблюдается, и, вероятно, эти подходы останутся неизменными, даже в случае увеличения роли национальных валют и/или появления новой глобальной резервной валюты в мировой торговле.

Добровольные рыночно-ориентированные механизмы экологической и социальной ответственности шаг за шагом создают «новую нормальность» в мировой экономике, которая при производстве и торговле сырьевыми товарами будет обеспечивать охрану природных экосистем и защиту прав человека. Развитие таких механизмов включает в себя постановку четких целей и задач по формированию ответственных цепочек поставок, принятие эффективных мер для обеспечения прозрачности закупочных политик компаний и их отчетности, создание новых стимулов дальнейшего ответственного развития.

Литература/ References

- Буркова Е. Экологическая модернизация в условиях глобализации: роль экоНПО // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 64–71. DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–8–64–71
- Burkova, E. (2019). Ecological Modernization in an Age of Globalization: the Role of Environmental NGOs. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 8. Pp. 64–71. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–8–64–71
- Жидкова Е.В., Воронков П.Т., Корякин В.А. Государственное управление лесами Польши // Лесохозяйственная информация: электронный сетевой журнал. 2020. № 4. С. 115–131. DOI: 10.24419/LHI.2304–3083.2020.4.12
- Zhidkova, E., Voronkov, P., Koryakin, V. (2020). State Forest Management in Poland. *Lesokhozyaystvennaya Informatsiya*. No. 4. Pp. 115–131. (In Russ.). DOI: 10.24419/LHI.2304–3083.2020.4.12
- Николаев Н.П. Системы сертификации в сферах природопользования. Угрозы, риски и пути развития // Комитет Государственной думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям. 2019. 22 с.
- Nikolaev, N.P. (2019). *Certification systems in the sphere of nature management. Threats, risks and ways of development*. State Duma Committee for Natural Resources, Property and Land Relations. 22 p. (In Russ.).
- Пискулова Н.А. Помощь развивающимся странам в области охраны окружающей среды // Вестник международных организаций. 2011. № 2 (33). С. 26–34.
- Piskulova, N.A. (2011). Assistance to developing countries in the field of environmental protection. *International Organisations Research Journal*. No. 2 (33). Pp. 26–34. (In Russ.).
- Шварц Е.А. и др. Российская национальная модель "зеленой" экономики и добровольные механизмы экологической ответственности // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год. Экологические приоритеты для России. Москва, 2017. С. 189–211.

- Shvarts, E.A., Babenko, M.V., Boev, P., Martynov, A.S., Knizhnikov, A. Yu., Ametistova, L.E., Pakhalov, A.P. (2017). *Russian national model of green economy and voluntary mechanisms of environmental responsibility*. In Human Development Report in the Russian Federation in 2017. Environmental priorities for Russia. Moscow. Pp. 189–211. (In Russ.).
- Шварц Е.А., Шматков Н.М. Мифы и проблемы реформирования лесного хозяйства России // *Общественные науки и современность*. 2020. № 3. С. 35–53. DOI: 10.31857/S086904990010068
- Shvarts, E.A., Shmatkov, N.M. (2020). Myths and problems of forestry reform in Russia. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*. No. 3. Pp. 35–53. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086904990010068–6
- Alfaro, L., Chor, D. (2023). Global Supply Chains: The Looming “Great Reallocation”. *National Bureau of Economic Research*. No. w31661. DOI: 10.3386/w31661
- Auld, G., Betsill, M., VanDeveer, S. D. (2018). Transnational Governance for Mining and the Mineral Lifecycle. *Annual Review of Environment and Resources*. Vol. 43. Pp. 425–453. DOI: 10.1146/annurev-environ-102017-030223
- Bartley, T. (2007). Institutional emergence in an era of globalization: The rise of transnational private regulation of labor and environmental conditions. *American Journal of Sociology*. Vol. 113. No. 2. Pp. 297–351. DOI: 10.1086/518871
- Berliner, D., Prakash, A. (2012). From norms to programs: The United Nations Global Compact and global governance. *Regulation & Governance*. Vol. 6. No. 2. Pp. 149–166. DOI: 10.1111/j.1748-5991.2012.01130.x
- Berliner, D., Prakash, A. (2015). “Bluwashing” the Firm? Voluntary Regulations, Program Design, and Member Compliance with the United Nations Global Compact. *Policy Studies Journal*. Vol. 43. No. 1. Pp. 115–138. DOI: 10.1111/psj.12085
- Blackman, A. (2010). Alternative pollution control policies in developing countries. *Review of Environmental Economics and Policy*. Vol. 4. No. 2. Pp. 234–253. DOI: 10.1093/reep/req005
- Carodenuto, S., Ziga-Abortta, F. R., Sotirov, M. (2024). External Europeanization through timber trade agreements: Tracing causality in environmental governance reform. *Political Geography*. Vol. 109. Pp. 103065. DOI: 10.1016/j.polgeo.2024.103065
- Cashore, B., Knudsen, J.S., Moon, J., van der Ven, H. (2021). Private authority and public policy interactions in global context: Governance spheres for problem solving. *Regulation & Governance*. Vol. 15. No. 4. Pp. 1166–1182. DOI: 10.1111/rego.12395
- Derckx, B., Glasbergen, P. (2014). Elaborating global private meta-governance: An inventory in the realm of voluntary sustainability standards. *Global Environmental Change*. Vol. 27. Pp. 41–50. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2014.04.016.
- Franken, G., Vasters, J., Dorner, U., Melcher, F., Sitnikova, M., Goldmann, S. (2012). *Certified trading chains in mineral production: a way to improve responsibility in mining*. Non-Renewable Resource Issues: Geoscientific and Societal Challenges. Pp. 213–227.
- Fransen, L. (2012). Multi-stakeholder governance and voluntary programme interactions: legitimation politics in the institutional design of Corporate Social Responsibility. *Socio-Economic Review*. Vol. 10. No. 1. Pp. 163–192. DOI: 10.1093/ser/mwr029

- Freund, C., Mattoo, A., Mulabdic, A., Ruta, M. (2023). Is US Trade Policy Reshaping Global Supply Chains? *World Bank Group*. No. WPS10593. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099812010312311610/pdf/IDU0938e50fe0608704ef70b7d005cda58b5af0d.pdf> (accessed 15.02.2024).
- Gamso, J. (2018). Trade-based adoption of voluntary environmental programs in the developing world: Racing to the top or stuck in the mud? *Policy Sciences*. Vol. 51. No. 4. Pp. 515–543. DOI:10.1007/S11077-018-9319-3
- García, J. H., Sterner, T., Afsah, S. (2007). Public disclosure of industrial pollution: the PROPER approach for Indonesia? *Environment and Development Economics*. Vol. 12. No. 6. Pp. 739–756. DOI: 10.1017/S1355770X07003920
- Gokmen, G. (2017). Clash of civilizations and the impact of cultural differences on trade. *Journal of Development Economics*. Vol. 127. Pp. 449–458. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2016.12.008
- Halalisan, A.F., Romero, C., Popa, B., Arana-Landín, G., Talpa, N., Abrudan, I.V. (2023). Global assessment of FSC forest management certification auditing through analysis of accreditation reports. *Land Use Policy*. Vol. 131. Pp. 106724. DOI: 10.1016/j.landusepol.2023.106724
- Ibnu, M., Offermans, A., Glasbergen, P. (2019). Toward a More Sustainable Coffee Production: The Implementation Capacity of Indonesian Standard Coffee. *Pelita Perkebunan*. Vol. 35. No. 3. Pp. 212–229. DOI: 10.22302/iccri.jur.pelitaperkebunan.v35i3.361
- Kinseng, R.A., Nasdian, F.T., Mardiyansih, D.I., Dharmawan, A.H., Hospes, O., Pramudya, E.P., Putri, E.I.K., Amalia, R., Yulian, B.E., Rahmadian, F. (2023). Unraveling disputes between Indonesia and the European Union on Indonesian palm oil: from environmental issues to national dignity. *Sustainability: Science, Practice and Policy*. Vol. 19. No. 1. Pp. 2152626. DOI: 10.1080/15487733.2022.2152626
- Knizhnikov, A., Shvarts, E., Ametistova, L., Pakhalov, A., Rozhkova, N., Yudaeva, D. (2021). Environmental transparency of Russian mining and metal companies: Evidence from independent ranking system. *The Extractive Industries and Society*. Vol. 8. No. 3. Pp. 100937. DOI: 10.1016/j.exis.2021.100937
- Knizhnikov, A. Yu, Shvarts, E.A., Pakhalov, A., Rozhkova, N., McCann M. (2022). *Environmental transparency of global oil and gas companies: an independent comparative assessment*. Routledge Handbook of the Extractive Industries and Sustainable Development.
- Koellner, T., Weber, O., Fenchel, M., Scholz, R. (2005). Principles for sustainability rating of investment funds. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 14. No. 1. Pp. 54–70. DOI: 10.1002/bse.423
- Lattanzio, R. K. (2013). International Environmental Financing: The Global Environment Facility (GEF). *Congressional Research Service*. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41165.pdf> (accessed 15.02.2024).
- Moran, C.J., Lodhia, S., Kunz, N.C., Huisingh, D. (2014). Sustainability in mining, minerals and energy: new processes, pathways and human interactions for a cautiously optimistic future. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 84. Pp. 1–15. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.09.016
- Niedziakowski, K., Shkaruba, A. (2018). Governance and legitimacy of the Forest Stewardship Council certification in the national contexts – A comparative study of Belarus and Poland. *Forest Policy and Economics*. Vol. 97. Pp. 180–188. DOI: 10.1016/j.forpol.2018.10.005

- Panwar, R., Pinkse, J., Cashore, B., Husted, B. W. (2023). Why corporate sustainability initiatives fail to reduce deforestation and what to do about it. *Business Strategy and the Environment*. DOI: 10.1002/bse.3421
- Pattberg, P. (2005). The institutionalization of private governance: How business and nonprofit organizations agree on transnational rules. *Governance*. Vol. 18. No. 4. Pp. 589–610. DOI: 10.1111/j.1468–0491.2005.00293.x
- Pattberg, P. (2005). What Role for Private Rule-Making in Global Environmental Governance? Analysing the Forest Stewardship Council (FSC). *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. Vol. 5. Pp. 175–189. DOI: 10.1007/s10784–005–0951-y
- Pattberg, P. (2012). *Transnational environmental regimes*. Global environmental governance reconsidered. Pp. 97–121.
- Potoski, M., Prakash, A. (2011). *Voluntary programs, compliance and the regulation dilemma. Handbook on the Politics of Regulation*. Pp. 84–95.
- Powers, N., Allen, B., Thomas, P.L., Urvashi, N. (2011). Does disclosure reduce pollution? Evidence from India’s green rating project. *Environmental and Resource Economics*. Vol. 50. Pp. 131–155. DOI: 10.1007/s10640–011–9465-y
- Prakash, A. (2001). Why do firms adopt ‘beyond-compliance’ environmental policies? *Business Strategy and the Environment*. Vol. 10. No. 5. Pp. 286–299. DOI: 10.1002/bse.305
- Prakash, A., Potoski, M. (2012). Voluntary Environmental Programs: A Comparative Perspective. *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 31. No. 1. Pp. 123–138. DOI: 10.1002/pam.20617
- Prestemon, J.P. (2015). The impacts of the Lacey Act Amendment of 2008 on US hardwood lumber and hardwood plywood imports. *Italics Policy and Economics*. Vol. 50. Pp. 31–44. DOI: 10.1016/j.forpol.2014.10.002
- Searcy, C., Elkhawas, D. (2012). Corporate sustainability ratings: an investigation into how corporations use the Dow Jones Sustainability Index. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 35. Pp. 79–92. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.05.022
- Seong, J., White, J., Birshan, M., Woetzel, L., Lamanna, C., Condon, J., Devesa, T. (2024). *Geopolitics and the geometry of global trade*. McKinsey Global Institute. 52 p. Available at: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/geopolitics-and-the-geometry-of-global-trade> (accessed 15.02.2024).
- Sharkey, A. J., Bromley, P. (2015). Can Ratings Have Indirect Effects? Evidence from the Organizational Response to Peers’ Environmental Ratings. *American Sociological Review*. Vol. 80. No. 1. Pp. 63–91. DOI: 10.1177/0003122414559043
- Shvarts, E. A., Bunina, J., Kniznikov, A. (2015). Voluntary environmental standards in key Russian industries: a comparative analysis. *International Journal of Sustainable Development and Planning*. Vol. 10. No. 3. Pp. 331–346. DOI: 10.2495/SDP-V10-N3-331-346
- Shvarts, E.A., Pakhalov, A.M., Kniznikov, A.Yu., Ametistova, L. (2018). Environmental rating of oil and gas companies in Russia: How assessment affects environmental transparency and performance. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 27. No. 7. Pp. 1023–1038. DOI: 10.1002/bse.2049.

- Tröster, R., Hiete, M. (2019). Do voluntary sustainability certification schemes in the sector of mineral resources meet stakeholder demands? A multi-criteria decision analysis. *Resources Policy*. Vol. 63. Pp. 101432. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.101432
- Trumpp, C., Guenther, T. (2017). Too little or too much? Exploring U-shaped relationships between Corporate Environmental Performance and Corporate Financial Performance. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 26. No. 1. Pp. 49–68. DOI: 10.1002/bse.1900
- Tysiachniouk, M., McDermott, C. L. (2016). Certification with Russian characteristics: Implications for social and environmental equity. *Forest Policy and Economics*. Vol. 62. Pp. 43–53. DOI: 10.1016/j.forpol.2015.07.002
- Tuppura, A., Toppinen, A., Puumalainen, K. (2016). Forest Certification and ISO 14001: Current State and Motivation in Forest Companies. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 25. No. 5. Pp. 355–368. DOI: 10.1002/bse.1878
- Wang, H., Bi, J., Wheeler, D., Wang, J., Cao, D., Lu, G., Wang, Y. (2004). Environmental performance rating and disclosure: China's GreenWatch program. *Journal of Environmental Management*. Vol. 71. No. 2. Pp. 123–133. DOI: 10.1016/j.jenvman.2004.01.007
- Wibowo, A., Giessen, L. (2018). From voluntary private to mandatory state governance in Indonesian forest certification: Reclaiming authority by bureaucracies. *Forest and Society*. Vol. 2. No. 1. Pp. 28–46. DOI: 10.24259/fs.v2i1.3164
- Wibowo, A., Pratiwi, S., Giessen, L. (2019). Comparing management schemes for forest certification and timber-legality verification: Complementary or competitive in Indonesia? *Journal of Sustainable Forestry*. Vol. 38. No. 1. Pp. 68–84. DOI: 10.1080/10549811.2018.1498359
- Wijaya, A., Glasbergen, P. (2016). Toward a New Scenario in Agricultural Sustainability Certification? The Response of the Indonesian National Government to Private Certification. *The Journal of Environment & Development*. Vol. 25. No. 2. Pp. 219–246. DOI: 10.1177/1070496516640857
- Wolff, S., Schweinle, J. (2022). Effectiveness and Economic Viability of Forest Certification: A Systematic Review. *Forests*. Vol. 13. No. 5. Pp. 798. DOI: 10.3390/f13050798
- Young, S.B. (2018). Responsible sourcing of metals: certification approaches for conflict minerals and conflict-free metals. *The International Journal of Life Cycle Assessment*. Vol. 23. Pp. 1429–1447. DOI: 10.1007/s11367-015-0932-5
- Young, Z. (2002). *A New Green Order? The World Bank and the Politics of the Global Environment Facility*. London: Pluto Press. 240 p.

Статья поступила 27.02.2024

Статья принята к публикации 13.03.2024

Для цитирования: Шварц Е.А., Воронаев А.И., Птичников А.В. Глобальное экологическое регулирование и рыночно-ориентированные механизмы экологической ответственности // ЭКО. 2025. № 2. С. 156–178. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2025-2-156-178

Информация об авторах

Шварц Евгений Аркадьевич (Москва) – доктор географических наук, руководитель Центра ответственного природопользования, Институт географии РАН.

E-mail: e.a.shvarts@igras.ru; ORCID: 0000-0002-6828-4367

Воропаев Александр Иванович (Москва) – старший научный сотрудник.

Институт географии РАН.

E-mail: voropaev@igras.ru

Птичников Андрей Владимирович (Москва) – кандидат географических наук.

Институт географии РАН.

E-mail: aptichnikov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4824-6128

Summary

E.A. Shvarts, A.I. Voropaev, A.V. Ptichnikov

Global Environmental Regulation and Market-oriented Mechanisms of Environmental Responsibility

Abstract. The paper considers the evolution of voluntary market-oriented mechanisms of environmental responsibility. Based on the examples of independent international certification systems, their strengths and weaknesses are shown, some regularities of development are revealed, comparisons with national quasi-state certification systems are made, the probable role of the former and the latter in the regulation of future international trade relations is outlined. The authors believe that the importance of voluntary market mechanisms for regulating the environmental responsibility of producers will increase, even despite the observed processes of geopolitical fragmentation of the world market. This indicates the gradual formation of a “new normal” in the world economy, which is designed to ensure the protection of natural ecosystems and the protection of human rights in the production and trade of both consumer and commodity goods. Lack of understanding and failure to take into account these mechanisms create limitations and risks of reduced competitiveness for Russian exports.

Keywords: *voluntary mechanisms of environmental regulation; environmental certifications; environmental ratings; non-financial reporting, environmental transparency; ESG principles*

For citation: Shvarts, E.A., Voropaev, A.I., Ptichnikov, A.V. (2025). Global Environmental Regulation and Market-oriented Mechanisms of Environmental Responsibility. *ECO*. No. 2. Pp. 156–178. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-2-156-178

Information about the authors

Shvarts, Evgenii Arkadievich (Moscow) – Doctor of Geography Sciences.

Institute of Geography, RAS.

E-mail: e.a.shvarts@igras.ru; ORCID: 0000-0002-6828-4367

Voropaev, Alexandr Ivanovich (Moscow) – Senior Researcher.

Institute of Geography, RAS. E-mail: voropaev@igras.ru

Ptichnikov, Andrei Vladimirovich (Moscow) – Candidate of Geography Sciences.

Institute of Geography, RAS.

E-mail: aptichnikov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4824-6128